раблю глава кормник, а ты, княже, людем своим... Тело крепится жилами, а мы, княже, твоею державою... Гусли строятся персты, а град нашь твоею державою».

(Панегирик сильной княжеской власти).

6. Княже мои, господине! Орел птица царь надо всеми птицами, а осетр над рыбами, а лев над зверми, а ты, княже, над переславцы. Лев рыкнет, кто не устрашится; а ты, княже, речеши, кто не убоится?».

(Сравнение князя с царем).

7. «Воспоет, рече, ряп, созовет птенца, их же роди и их же не роди; тако и ты, княже, многи слуги совокупи, не токмо своя, домочадца, но и от инех стран совокупи притекающа к тебе...».

(Хвала князю — собирателю иноплеменных «мужей»).

8. «Весна украшает землю цветы, а ты нас, княже, украшаеши милостию своею... Земля плод дает обилия, древеса овощь; а ты нам, княже, богатство и славу... Ни моря уполовнею вычерпать, ни нашим иманием дому твоего истощити».

(Сравнение богатства княжеского двора с изобилием природы).

9. «Лучши ми есть тако скончати живот свои, нежели, восприимши ангелскии образ, солгати».

(Неприятие монашеского аскетизма).

10. «Княже мои, господине! Ратори, могистри, дуксове ... форозе — и те имеют честь и милость у поганых салтанов».

(Требование чести и милости княжеским мужам).

11. «Ограда», «лучше», «птица», «сыч», и т. д. вместо: «плот», *лепше», «потка», «нетопырь»* и т. д. в «Слове Даниила Заточника».

(Конкретизация литературного языка. Отмечено Н. Н. Ворониным).

на котором изображена эмблема силы — лев. Остальные воины включены в деисусный чин и приравнены к апостолам, это сравнение распространяется и на самих князей. Идея покровительства неба владимиро-суздальским князьям пронизывает собою всю скульптуру Георгиевского собора. При этом князь выступает в окружении «мужей».

6. Изображения львов помещены по бокам входов, на княжеской «ложе», по бокам окон и на барабане главы. Барсовидный лев — эмблема владимиро-суздальских князей — изображен на геральдическом щите, который держит св. Георгий.

7. Кроме князя Святослава, на стенах собора изображены воины разного этничного облика (рис. 3).

8. В основании всей скульптурной системы Георгиевского собора, символизировавшей Владимиро-Суздальскую землю, дана картина цветущей природы в виде пышных «деревьев жизни» с птицами и зверями у корней. Роскошный растительный орнамент заполняет все свободные от рельефов участки стен, создавая картину красоты и изобилия владимиро-суздальской земли.

9. Во всей скульптуре Георгиевского собора, несмотря на обилие религиозных сюжетов, мощно и оптимистично звучит гимн красоте мироздания, в котором тонет церковный идеал аскетизма.

10. Изображения княжеской «гридьбы» вынесены на узловые места фасадов — на подзакомарные капители — и даже венчают барабан главы.

11. Конкретизация художественных образов: вместо условного «древа жизни» — более народная его форма, с введением элементов реальной флоры (ирис, ромашка); вместо абстрактных общесредневековых грифонов — более национально-сказочные их образы; вместо чудовищных парных львов об одной голове — мирно дремлющие львы; появление национального типажа в изображениях святых.

Таковы самые общие результаты «визуального» сравнения текста «Моления Даниила Заточника» и реконструированного «иконографического текста» (термин А. Н. Грабара[4]) скульптуры Георгиевского собора.[5] Они

[4] А. Н. Грабар. Светское изобразительное искусство домонгольской Руси и «Слово о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 261.

[5] Параллелизация текстов «Моления» и скульптуры Георгиевского собора в двух колонках, конечно, не означает композиционного их тождества. Если в «Молении» мысль автора отправлялась от характеристики князя, а затем переходила к оценке